

АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ

СТРАНИЧКА
ЖИЗНИ

Александр Алексеевич Богданов

Страничка жизни

*Текст предоставлен правообладателем
Страничка жизни: 1918*

Аннотация

«...Сереза был единственным сыном Николая Кирилыча Казанцева, и с его потерей он почувствовал, как сразу сломалась главная ось всей его жизни. Теперь незачем вдруг стало посещать службу, заботиться о будущем, строить карьеру. Раз нет Серези, то это никому не нужно...»

Александр Алексеевич Богданов

Страничка жизни

Смерть Сережи потрясла Николая Кирилыча.

Началось это внезапно. Мальчик с утра был весел, играл колесиком от кресла, изображая точильщика. Отправляясь на службу, Николай Кирилыч еще шутил с ним и обещал ему принести настоящий точильный станок. За обедом он был хмур и не говорил ни слова. К вечеру произошел первый припадок. Потом еще и еще. Вызванный врач нашел менингит. Всю ночь мальчик испытывал отчаянные боли, пронзительно вскрикивал, отбрасывался назад на подушки, и страшная судорога потрясала его тело. На мгновение боль стихала. Он стискивал зубы, закрывал глаза, начинал бредить и впадал в забытие. А потом припадки повторялись с удвоенной силой.

В конце третьих суток он умер.

«Как все это ужасно!.. Как ужасно!.. – думал Николай Кирилыч, не находя себе места в течение целых дней и недель. – И не столько страшна сама смерть, сколько невыносимо то страдание, которое она несет с собой... Особенно страдание детей. Если умирает взрослый, то с этим как-никак можно еще примириться, потому что взрослый видел и радости

и печали жизни... Но ребенок!.. Какое оправдание, какой смысл имело в таком случае его появление на свет?..»

Сережа был единственным сыном Николая Кирилыча Казанцева, и с его потерей он почувствовал, как сразу сломалась главная ось всей его жизни. Теперь незачем вдруг стало посещать службу, заботиться о будущем, строить карьеру. Раз нет Сережи, то это никому не нужно...

С женой Валентиной Михайловной у Казанцева были далекие чуждые отношения. Рано или поздно готовился неминуемый разрыв. Сын был единственной связью семьи, и эта связь порвалась.

Они были женаты восемь лет. Уже на третий год их супружества, вскоре после рождения сына, между ними обнаружилась та разница в характерах, которая мешала создать семейный уют. Валентина Михайловна – увлекающаяся и порывистая – любила общество, шум и блеск, мечтала о поступлении на сцену. В девичество она играла не без успеха в учебных спектаклях, похвалы родных и знакомых вскружили ей голову. Замужество расстроило ее планы. А рождение ребенка и заботы, связанные с его воспитанием, по-видимому, тяготили ее. Может быть все это происходило потому, что она была очень молода и жадно хотела жить.

Казанцев, напротив, искренне хотел прочной и уютной семьи, – детей. И именно с этого начался его разлад с женой. Она считала, что дети закабалят ее на всю жизнь, сделают рабой.

Все чаще и чаще между ними вспыхивали размолвки. И после каждой происходило временное примирение. Чем дальше, тем размолвки делались острее, а примирение трудней... Оба несли добровольно цепи, делая это, главным образом, ради сына.

* * *

Казанцев не удивился, когда Валя однажды объявила ему, что уезжает в провинцию, думает поступить на сцену. Так и должно было случиться. За последнее время, с утратой Сережи, их ничто не связывало.

Но ревнивое чувство больно кольнуло его. Казанцев знал, что Валя была очень расположена к часто посещавшему их дом, артисту Фелицыну. И у него мелькнула мысль: поедет она одна, или с ним... Вернее говоря, поедет ли Фелицын по ее следам. Этот фатоватый господин уже давно настойчиво преследовал ее.

Злое и досадное чувство стало разрастаться в его душе. Но он усилиями воли подавил его в себе.

«Нельзя быть строгим к ней... Смерть Сережи не менее тяжела и для нее... Сцена поможет ей забыть горе».

Оба расстались мирно, без вражды, как хорошие, прожившие друг с другом восемь лет, товарищи... Казанцев сам старательно упаковал ее вещи, коробки, портплед и чемоданы, и на прощанье даже сказал с неподдельной ласковостью:

– Дай тебе Бог счастья, Валя!..

У нее чуть дрогнули губы, и влажно затуманились глаза. Что-то, похожее на колебание, появилось в напряжении лица. Но это было мгновение.

– Спасибо тебе! – ответила она чуть слышно, дрогнувшим голосом.

– На случай сообщи свой адрес... Может быть понадобится моя помощь, – со смущением продолжал он, боясь, как бы ее не обидеть.

Она покраснела и благодарно взглянула на него.

– Хорошо.

Больше они ничего не сказали друг другу... Боялись слов, чтоб неожиданно не поддаться какому-нибудь новому нечаянному настроению и не перерешить того, что казалось обоим неизбежным.

На вокзал Казанцев не поехал, – только проводил жену до подъезда и заботливо усадил на извозчика.

И когда он очутился один в своей огромной и безмолвной квартире, то ощущение пустоты жизни и тоски стало мучительно тягостно.

– «Что же теперь делать», – спрашивал он себя с тоской, сидя в своем кабинете и осматриваясь вокруг, точно ища помощи.

На письменном столе лежали разные справочники, последние номера сенатских разъяснений и дела в картонных коричневых папках. Он знал, что уже не в состоянии ни к

чему этому прикоснуться. И вообще стало так мучительно все, что напоминало прежнего Казанцева, строившего такие увлекательные планы жизни. Прошлого нет, и нужно скорее порвать всякие воспоминания о нем, начать новую жизнь.

«Поехать в Крым... – решил Казанцев, – или за границу, – взять продолжительный отпуск... А там будет видно, что делать!...»

Но эти мысли казались ему самому малоубедительными. «Разве от самого себя, от тоски, от одиночества уедешь?..»

Он посмотрел на большую, висевшую на стене, фотографию сына. Из темной ореховой рамы выглядывало милое детское лицо с красивыми кольцами кудрей и выразительными детскими глазами.

Так он просидел в оцепенении некоторое время.

«Что же все-таки делать?.. Уйти в общественную жизнь?..»

Здесь в городе это невозможно... Все эти кружки, собрания, партийная борьба были всегда ему чужды и непонятны. Ему казалось, что в них слишком много личного самолюбия и тщеславия. А ему хотелось какого-нибудь, хотя маленького, но настоящего дела, которому он мог бы теперь отдаться до самозабвения.

«Переехать в деревню, в народ?.. – мелькнула мысль. – Учить детей?..»

Мысль эта вначале скользнула в его уме случайно. Но чем дальше, тем все назойливее она приходила на ум и, в кон-

це концов, стала казаться единственным спасительным выходом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.